

6. Нуржанов С. Каракалпакская автономная область: история в источниках. Н., 2014. С.112.
7. АЖК РК. Ф.1. Оп.4. Д.351. Л.2.
8. АЖК РК. Ф.1. Оп.5. Д.211. С.23.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМПЕРСКИХ ОКРАИН

Машарипов Рамшед Нодирджонович, студент 3 курса факультета история и права
Научный руководитель: д. и. н., профессор **И.А. Мамадалиев**
Худжандский Государственной Университет имени Б. Гафурова
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Несмотря на прошедшие большого срока, комплекс вопросов – предпосылки, причины, а также последствия завоевания Средней Азии со стороны России, как в прошлом, так и в настоящем привлекают особое внимание историков-исследователей.

Завоевание Средней Азии Россией и его последствия, всегда занимало и занимает повышенный интерес исследователей. Не случайно среди великого множества проблем оно выделяется как особый рубеж, сыгравший судьбоносное влияние на истории и жизни народов данного региона. Если для обширного круга любителей истории края, имевшего общее знакомства с обилием литературы, касающейся различным аспектам данной проблемы, этот вопрос кажется давно решенным, то для профессионального зрелого специалиста - историка, умеющего реально оценить степень изученности проблемы, всегда есть место для полемики, для более обоснованных выводов и заключения. Это исходит из самой логики принципа историзма и длительного, нескончаемого процесса исторического познания. Такой подход особо ощущается в отношении истории и последствия присоединения Средней Азии к России. Само сопоставление документальных источников, с выводами и заключениями, содержащиеся в трудах русских дореволюционных авторов с исследованиями ученых Советской эпохи, выпукло подтверждают мнение о том, что есть, причем, немало не только спорных моментов, но и предвзятостей, преднамеренных упущений, точнее обхождений острых углов объективных оценок в силу идеологической зависимости исследователей.

Эти недостатки и противоречия особенно ясно прослеживаются в наше время, когда в связи новым преобразовательным процессом, который происходит в обществе, благодаря снятию идеологических препон, появилась возможность для открытой научной полемики, беспрепятственный доступ к архивным документам, непредвзятых отношений к анализу первоисточников, к реальной оценке событий.

Одной из важных задач, стоящих перед исследователями, особенно социально-гуманитарных наук, является – преодоление «национальной» точки зрения и эмоциональных крайностей на историю, которая сложилась в советское время, и ставшая с 90-х годов (XX века) более доминирующей в национальных историографиях. Ибо как писал востоковед Н.И. Конрад - История каждого народа всегда связана с историей его соседей,... Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни»[6.17].

Однако, еще на заре советской исторической науки была заложена тот зерно, который и положил основу идеологическому взгляду на историю. Тем более историк как основной рычаг идеологической арены был загнан в определенную конструкцию. Например, определяя национального историка, М.Н. Покровский (хотя в его биографии много интересного, одним из них является как он конъюнктурно менял собственную позицию) аргументирует следующим образом - «национальным историком может быть человек, по крови, языку, происхождению связанный со своим народом, или ученый, живущий в пределах государства»[1.151]. Но, следует отметить, что М.Н. Покровский на вершине своих эмоционально-патриотических чувств или же политического взлета, начинает смешивать

научные концепции с определением личности как национального историка, тем самым он не создает концепцию, а создает тенденцию потому что: во-первых, для ученого нет границ, то есть, для настоящего ученого-историка, нет не политический, не культурно-националистический или географического ограниченного пространства.

С того момента мир изменился коренным образом и 1991 год стал новым отсчетом времени в историописание и во взгляде на национальные истории, потому что распад единого государства (советская империя) привела к разрыву единой истории под названием «История СССР». После чего начали появляться истории отдельно взятых центрально-азиатских государств-республик, по сути, зародил несколько разных – «национальных» - интерпретаций одних и тех же исторических событий, персонажей, или процессов.

Преодолеть такое деление истории можно, попытавшись сначала определить и объяснить значение общего названия, учитывая целостность в культурном и географическом смысле. Следует отдельно обратить внимание на соотношение ряда терминов, которыми обычно описываются исследуемые территории.

В предлагаемой статье объектом исследования выступает термин «Туркестан», только с постановки вопроса – почему в середине XIX в. это термин превращается в важный объект. Поскольку не только этот термин, но и другие понятия в разные исторические периоды были известны как «Вароруд», «Мавераннахр», «Бухария», «Большая Бухария», «Русский Туркестан», «Средняя Азия», «Центральная Азия». Но, однако, мне бы хотелось обратить ваше внимание на происхождение (столь раздражительного для некоторым ученым) не географического, топонимического даже хозяйственного², а именно военно-политического понятия «Туркестан». Тем самым попытаться научно разяснить некоторым «ультра националистам», популистам или конформистам склоняющие к конфронтации не только индивидуально-академического, но и общественно-политического сознания, которая не связана стремлением за доминирование или «гегемонии» кого-либо в центрально-азиатском регионе.

Если к этому подойти с точки зрения применения терминологии более позднего периода, а именно с того времени, когда возникают «геополитические» интересы и началом «большой игры» великих держав. Или же как термин «Туркестан» появился в научной европейской литературе в конце XVIII в. то есть с подачи англичан, которые к этому времени вышли на подступы к Центральной Азии с юга, со стороны своих колоний в Индии. Однако, англичане термин «Туркестан» заимствовали у иранцев и афганцев (имеющий характер более раннего периода), означающий «страна тюрков» и применявшийся в средние века к различным областям, в зависимости от миграций тюркских народов. Уже в первой половине XIX в. этот термин твердо утвердился на Западе в научной среде, а затем был воспринят и академическими кругами России. В разное время существовали, различные точки зрения на то, какие территории входили в состав Туркестана. Например, по мнению российских ученых, в середине XIX века под Туркестаном понималась оазисная часть Средней Азии, нынешние Туркмения, Кыргызстан и юг Казахстана, а также Кашгария (Синьцзян). С точки зрения географического расположения Туркестан подразделялся на Западный и Восточный. В состав Западного Туркестана входили земли современного Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана, а в состав Восточного – территория нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР[9.13]. В этом даже невооруженным глазом можно заметить, что в перечисленные государства или области, которые входили под географическое понятие Туркестан почему-то о Таджикистане не упоминается. Это что современный замысел обскуссствления? Или академическая ошибка, конечно, этого оставим на совесть тех, кто создают такие труды.

Исходя из политико-административного деления этих территорий или принципа их государственной принадлежности, Туркестан был разделен к концу XIX в. на три части – Русский Туркестан (т.е. земли, входившие в состав Туркестанского генерал-губернаторства и протектораты Бухара и Хива), Китайский Туркестан (т.е. Кашгария или Синьцзян) и

Афганский Туркестан (т.е. территории северо-запада современного Афганистана в округе г. Мазари-Шариф).

В связи с этим возникает ряд вопросов, например, такое географическое и политическое раздробление было проведено кем и почему? кому это было удобно и выгодно?

И я попытаюсь ответить следующим образом – что это было целенаправленное политическое разграничение для оформления сферы влияния, которая выглядела следующим образом: Туркестан вошел в состав Российской империи в период 60–80-х гг. XIX в., и получил название «Русский Туркестан», а Китайский Туркестан – вошел в состав Китая с середины XVIII до второй половины XIX в., а Афганский Туркестан стал частью Афганского государства в середине XIX в.

Дело в том, что термины «Западный Туркестан» и «Восточный Туркестан» были приняты еще задолго до оформления «военно-политического» замысла, впервые использована Н.Я. Бичуриным в 1829 г. или встречается в трудах российского востоковеда второй половины XIX в. В.В. Григорьева. По поводу разделения Туркестана, Н.Я. Бичурин писал: - «...приличнее назвать Бухарский Туркестан западным, а Китайский восточным. Принимаемое у нас название Туркестан подлежит изменению...».

Любопытно, что термин «Туркестан» сохранился и в советское время, но только для обозначения Туркестанского военного округа не столько как государственного, сколько военно-административного образования, которое выходило за рамки тех или иных национальных республик. Например, в середине 1980-х г. Туркестанский военный округ включал в себя территорию Таджикистана, Узбекистана и Туркмении: Казахстан и Киргизия в Среднеазиатский военный округ. Или духовное управление, владевшее делами мусульман Средней Азии и Казахстана, называлось также «Среднеазиатским».

В этом плане весьма интересно еще один материал, в котором сообщается, что на общем собрании, проведенное 12 апреля 1888, член-секретарь Отдела Императорского географического общества И.А. Козлов сделал сообщение на тему: «Средняя Азия как географический термин», где он отмечал, что – «...Туркестан вообще относится к среднеазиатским областям, а последняя в свою очередь, к внутренним возвышенным частям азиатского материка...»[7.21].

Характеризуя Азиатский материк, известный, немецкий геолог и путешественник Рихтгофен Фердинанд Пауль Вильгельм, делал следующий вывод, - материк Азия, как состоящий из внутренних (центральных) и внешних (периферических) частей, различающихся между собою как геологическим происхождением, так и физическим характером[7.22].

Выше приведенные аргументации имеют географический или конструированный военно-административный характер. Но хотелось бы на основе найденных архивных материалов переаргументировать и попытаться показать, что «Туркестан» не имеет какой-то этно-национальный характер, а всего лишь исторический ареал, который стал объектом военно-политической конструкции, с целью насаждения зерна вражды для будущего.

Для разъяснения данного понятия мне бы хотелось использовать, как весомый аргумент для утверждения собственного взгляда, некоторые обнаруженные архивные документы из Государственного архива Оренбургской области, разъясняющие в какой-то степени смысл и сущность объекта нашего исследования. Вот что пишется в документе, «Туркестан считается у магометан *святым городом*, и имеет больше 10 тысяч жителей, по этому овладению им произведет непременно огромное впечатление на среднеазиатские ханства; оно поднимет высоко в тамошних странах *славу нашего оружия*, несколько потерпевшую от неудачного похода на Хиву; и как Ташкент главный торговый пункт всего Турана, находится лишь в 200-х верстах от Туркестана, то наше *политическое влияние* на Коканское ханства сделается преобладанием, причем и эмир Бухарский будет сговорчивым! Хан Коканский присылает посольство Командующему линию, и спрашивая восстановления мирных сношений и пощады Туркестану»[3.12-13].

Из этого документа становится, очевидно, что «Туркестан» до прихода русских, был обычным городком с обычным населением и хозяйством. Единственная его особенность как отмечается в документе что «Туркестан» – был «святым», который сыграл важную роль в становлении религиозно-духовным центром не во всем мусульманском мире, а в приближающем регионе. В какой-то степени для русских это был весьма удобным вариантом использовать популярность и важность в стратегическом плане этого городка, превратить его этнополитический центр.

Помимо этого, эти документы объясняют важность Туркестана в военном отношении, например, следующий материал говорит – «*В военном отношении Туркестан нам необходим как центральный пункт, где можно учредить Управления соединенного линию от укрепления Верного до Форта № 1. Он лежит в местности здоровой, изобилующей хорошею водою, и находится в недельном расстоянии от Сыр-Дарьи*»[4.12 об.-13 об].

Этот документ очень просто объясняет, насколько Туркестан важен был не только в военном, но и административном отношении для создания первого этапа *системы управления* на начальном этапе колониального завоевания. То есть учреждение *управления*, это и есть началом конструкции административной системы в Средней Азии.

Читая архивные материалы, мы становимся свидетелями различных подходов и суждений. Например, в следующем документе дано такое разъяснение «При взгляде на карту можно ясно убедиться, что если бы мы (русские войска) заняли Сузак, не овладев Туркестаном, нам труднее было бы охранять наши границы, потому что Сузак в стороне и за горами, так что Беку Туркестанскому (Давлат Мирзо) легко было бы действовать на наши пути сообщения, иссекая кавалерию, который мог бы пройти в сутки 100 верст, это ничего не значит, и потому нам приходилось бы бояться всегда внезапного нападения, не только в Джулек (близ Туркестана), но и в Форт Перовский»[5.14-14об]. Стоя на главных путях, ведущих из двух среднеазиатских ханств в Россию, Чимкент и Туркестан послужили нам (русским) как бы замками, запирающими ворота сибирской и оренбургской окраин[8.67].

Данный документ свидетельствует о том, что Туркестан на первом этапе военных действий в Средней Азии является весьма важным стратегическим пунктом. Потому что он был важен не только в период наступательных действий, но и в случае военной неудачи лучшим оборонительным сооружением для русских войск.

12 февраля 1865 г. образовался Туркестанская область из Сыр-Дарьинской и Новококанской линии. Виды нашего правительства относительно дальнейшего образа действия в Средней Азии заключались (как видно из отношения министерства иностранных дел, от 23 февраля 1865 г. №181) в следующем: 1) до тех пор, пока не установиться мирные отношения к Коканду, необходимо избегать, всякого вмешательства; 2) вооруженное вмешательство может быть допущено только с целью предупредить нарушение наших границ и наших торговых интересов.

21 апреля 1865 г., штаб батальона переведен из Туркестана в Чимкент /Приказ по батальону 1865 года №№ 208. П. 1177. (после Иканского дела).

Управление Туркестанской областью поручается особому военному губернатору, которому вверяется начальствование всеми войсками, расположенные в пределах области, и Аральское флотилией, а также управление кочевым и оседлым населением области. В военном отношении губернатор подчинен командующему войсками Оренбургского края, а в гражданском отношении – оренбургскому генерал-губернатору.

Центральным пунктом для управления областью и штаб квартирой войск назначена крепость – **Чимкент**[2.№3]. Военными губернаторами области в течение с 1865 по 1867 года были – **Черняев Михаил Григорьевич**, г.-м. (22.10.1828-4.08.1898), начальник области (1865-1866), фактически до 31.03.1866, когда был отозван в Санкт-Петербург. **Романовский Дмитрий Ильич**, г.-м. (1866-1867) и **Головачев Николай Никитич** (1825-?), г.-м. (1867).

Таким образом, с завоеванием важных военно-политических пунктов, главным образом *Туркестана*, появился очень удобный вариант именованию будущего колониального пространства в Центральной Азии. Во-первых, создание буферной административной

единицы, преследующего военно-политического расчленения единого географического пространства с политическим оттенком. Во-вторых, проведение имперской конструкции границы, нации и политического института, имеющего заразительный характер даже в далеком будущем.

Именно здесь можно считать, что теория «конструктивизм»-а вступает в категории «границы» и «нации». Конструктивизм русской административной политики заключалась в следующем: искусственно раздробив Центральную Азию, создать новое *буферное государство* в форме генерал-губернаторства с названием *Туркестан*. Данный политический акт состоял из двух этапов: первый – создать *Туркестанскую область* (1865) и второй – *Туркестанское генерал-губернаторство* (1867). Об этом свидетельствует сообщения автора *Та'рих-и джадида-йи Тошканд*, где говорится, что - в 1865 г. существовало некое соглашение между эмиром и русскими о разделе Туркестана и Мавераннахра между ними: по нему эмир получал свободу действий в Фергане, а русские – в Дашт-и Кипчаке и Ташкенте. Однако после взятия Ташкента, русско-бухарские отношения осложнились. В феврале 1866 Черняев совершил рекогносцировку Джизака. Русско-бухарские отношения обострились после отозвания Черняева в Петербург и прибытие на его место в Ташкент Д.И.Романовского (апрель 1866).

Конечно, в объеме одной малой статьи трудно обосновать, доказать, или выдвигать свои версии, но все-таки попытаюсь выразить собственное умозаключение. В заключение хотелось сказать следующее, что термин «Туркестан», несмотря на очевидные недостатки, используется исходя из двух соображений. Во-первых, популярность именно этого термина в российской политической и академической кругах. Во-вторых, наличие собственных изъянов, и достаточно существенных, у всех остальных конкурирующих наименований. «Бухария» и «Мавераннахр» носят сугубо исторический характер и не отражают современного административно-государственного устройства региона. «Туркестан», как стало известно, являлся всего лишь исторически религиозно-духовным центром мусульман в окрестности, то есть на севере Бухарского и Кокандского ханства до прихода русской военной, административной и колониальной политики. Именно этот фактор, то есть его религиозно-духовное значение было использовано в военно-политических целях в проведение колониальной политики царской России.

Список литературы.

1. Брежнева С.Н. Присоединения Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии. Тольятти, 2004.
2. Военный сборник. Год восьмой, №3, Март 1865 г. Санкт-Петербург.
- ☒ Во многих исследованиях основное внимание акцентировались на географическое, топонимическое или хозяйственного разъяснения данного определения. См.: Эшонзода У. Средняя Азия: Хорасан или Туркестан? //Мероси ниёгон (Наследие предков). Научно-популярный журнал. – Душанбе, 1995: Шарки Озод, №2. С. 52-54. Масов Р. Таърихи тоҷикон бо муҳри «комилан сирри». – Душанбе, 1996. С. 12-69. Масов Р., Ранов В. О соотношении терминов «Средняя» и «Центральная» Азия в историческом аспекте. //Мероси ниёгон (Наследие предков). Научно-популярный журнал. – Душанбе, 2004: Шарки Озод, № 7. С. 91-97.
3. ГАОО Ф. 6, Оп. 6, ед.хр. 13901/1, Л. 12-об, 13.
4. ГАОО Ф. 6, Оп. 6, ед.хр. 13901/1, Л. 12-об,13-об.
5. ГАОО Ф. 6, Оп. 6, ед.хр. 13901/1, Л. 14 – 14-об.
6. Конрад, 1972. С. 17.
7. Отчет Западносибирского Отдела Императорского географического общества. – Омск, 1890.
8. Терентьев М.А. Туркестан и туркестанцы. Часть 1.СПб., 1875.
9. Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.